

Глава 12. Кошмар

— Я дома! — весело крикнул Цин И, входя в дом.

По привычке он бросил ключи на тумбу для обуви, скинул туфли и ступил босыми ногами на чистый, гладкий березовый паркет. В просторной, залитой светом гостиной огромный плазменный экран показывал популярную японскую дораму. Из кухни доносился аппетитный аромат тушенной в коле курицы, смешанный со жгучей, дразнящей ноткой острого красного перца — как раз под его вкус.

Проходя мимо двухместного кожаного дивана, Цин И на ходу сбросил пиджак, ослабил узел галстука и крадучись двинулся к кухне. Как и ожидал, там вовсю хлопотала Фэй Юй. Облаченная в нежно-зеленый передник, она стояла спиной к двери и увлеченно месила небольшой комок теста. Цин И нежно улыбнулся. Он бесшумно подкрался сзади...

Когда до нее оставалось буквально несколько сантиметров, Фэй Юй, даже не оборачиваясь, словно у нее на затылке были глаза, вдруг мягко и с улыбкой произнесла:

— С возвращением!

Цин И застыл на месте, будто его заколдовали. Он так и остался — согнувшись и нелепо растопырив пальцы. Пририсуй ему сейчас пушистый хвост, и получилась бы вылитая белка, застигнутая врасплох.

— Ну вот, опять! — притворно заворчал он, выпрямляясь и обнимая Фэй Юй со спины. — Хоть бы раз дала мне выиграть!

Капризно покачивая жену в объятиях, Цин И шутливо уткнулся носом в ее шею и нежно поцеловал.

— Стоит тебе хоть раз преуспеть, и ты зазнаешься, — отозвалась Фэй Юй, одарив его ласковым, теплым взглядом.

— Я еще с порога почуял этот божественный запах. Сегодня курица в коле?

— Угу.

— Стол ломится. А когда остальные приедут?

— Созванивались как раз перед твоим приходом. Невестку сегодня выписывают, брат уже поехал за ней в больницу. Судя по времени, к ужину как раз успеют. Мама с папой тоже уже в пути.

— Кто бы мог подумать, что у Цин Хао глаз-алмаз. С первого выстрела — и сразу парочка сорванцов.

— Только при брате их так не называй, а то живо схлопочешь.

— Я же любя! Но вообще, женушка, ты ко мне несправедлива. Ради их приезда такой пир закатала! О боже, неужели это рыбные фрикадельки?

— Если проголодался, я и в обычный день тебе приготовлю. Хватит ворчать, иди лучше в душ. От тебя разит за версту.

— Ничего подобного! Это запах настоящего мужчины!

— Да ну тебя! Иди, пока мою курицу не испортил своим амбре.

Фэй Юй в шутку замахнулась на него испачканными в муке ладонями:

— Если сейчас же не исчезнешь, я тебя самого в тесто закатаю!

— Слушаюсь и повинуюсь, любовь моя! — рассмеялся Цин И, ловко уворачиваясь от белых ладошек, и поспешил скрыться из кухни.

Стоя под душем, Цин И весело напевал себе под нос, весь покрытый мыльной пеной. Вдруг сквозь шум воды донесся голос жены:

— И, звонили твои родители! У них машина заглохла посреди дороги. Как закончишь, съездишь за ними?

— Ладно, сейчас сделаю! — крикнул он в ответ.

Растирая мокрые волосы полотенцем, Цин И зашел в спальню, чтобы переодеться. Он распахнул платяной шкаф, намереваясь достать чистую рубашку, но опешил: на вешалках висели исключительно черные вещи.

«Что за чертовщина? Я же только вчера купил нежно-голубую рубашку... Почему для праздничного семейного ужина остался один только черный?»

Скрепя сердце он вытащил одну из вешалок и оделся.

Подойдя к трюмо, чтобы причесаться, Цин И нахмурился. Стекло пошло странной рябью — мелкой, плотной цифровой изморосью, какая бывает на экране старого телевизора при плохом

сигнале. Из-за этих крошечных колеблющихся точек его собственное отражение двоилось и зловеще искажалось.

— Ну и пакость, — проворчал он, отворачиваясь.

На письменном столе боком лежал большой деревянный багет с семейным портретом. «Чего это он упал? Наверное, Фэй Юй задела, когда вытирала пыль», — подумал Цин И и бережно поднял рамку, вернув ее на место.

С фотографии на него смотрели счастливые лица. Сам Цин И широко улыбался, обнимая левой рукой сияющую Фэй Юй. Рядом с ней стоял старший брат, Цин Хао, прижимавший к себе жену. Позади, ласково прищурившись, стояли отец с матерью. А на заднем плане высилось огромное чертовое колесо аквапарка. Вся семья буквально светилась теплом в ярких лучах летнего солнца.

Брат служил первоклассным детективом в полиции, а он сам стал адвокатом. Им частенько доводилось вести одни и те же дела, отстаивая справедливость плечом к плечу. Несмотря на разницу в возрасте в четыре года, они даже свадьбу сыграли в один день. И вот теперь у брата родилась двойня. Сегодня малышей вместе с матерью наконец забирали домой, и этот день обещал стать самым радостным семейным праздником. И пускай они завели привычку каждые выходные собираться у них дома под предлогом оценить кулинарные шедевры Фэй Юй, сегодняшний ужин ощущался по-особенному торжественным.

На душе у Цин И было легко и тепло. Он бережно пристроил рамку на книжную полку, взял со стола черный кожаный бумажник и зашагал к выходу, готовый ехать за родителями.

После его ухода в комнате воцарилась тишина. Лишь настенные часы монотонно и гулко отсчитывали секунды. Глухо, давяще тихо.

И посреди этого безмолвия на полке стоял портрет. Если бы кто-то всмотрелся в него повнимательнее, то заметил бы нечто пугающее. Лица стоявших позади родителей, полузакрытых телами сыновей, казались неестественно, мертвенно молодыми. Но еще страшнее выглядела сидевшая рядом с братом жена — ее силуэт плыл и двоился, словно пролитая на свежие чернила вода размывала контуры. При беглом взгляде казалось, будто на снимке живыми запечатлены лишь трое: Цин И, Фэй Юй и Цин Хао.

Машина Цин И неслась сквозь бесконечный полумрак бетонной шахты. Тоннель казался нескончаемым, и вокруг не было ни души — ни одной попутной или встречной машины, словно во всем мире он остался совершенно один. Желтые натриевые лампы под потолком сливались в безумные, рваные полосы света, которые изламывались и дрожали на лобовом стекле. Внезапно из динамиков полилась тягучая, тоскливая мелодия виолончели. Знакомые скорбные аккорды заставили его вздрогнуть.

«Постойте... А как я оказался за рулем?»

Он ведь только что метался по прихожей в поисках ключей. К тому же сейчас самый час пик. Почему этот всегда забитый до отказа тоннель сегодня пуст и мертв?

— Не задерживайся допоздна, — внезапно проскрежетал голос с заднего сиденья.

Вздрыгнув от неожиданности, Цин И обернулся. Позади сидели его отец и мать. Но... как они попали в салон? Ах да, точно. Он ведь поехал, чтобы забрать их.

— Не задерживайся допоздна, — бесцветным тоном повторила мать.

— Ну еще капельку, — вопреки собственной воле сорвалось с его губ.

— Стемнеет — ехать будет опасно, — сухо отозвался отец.

— Всего одну минутку. Ну пожалуйста, еще одну минутку!

— Если тебе так нравится, мы обязательно приедем сюда еще раз, хорошо?

— Ну нет! Вы меня сто лет никуда не вытаскивали. Раз уж приехали, давай нагуляемся до упаду! Ну папочка, пожалуйста!

Холодный ужас сковал Цин И: голос, звучавший из его собственного горла, стремительно истончался, превращаясь в капризный лепет подростка. Весь этот разговор... Господи, он знал его наизусть. Каждое слово выжжено в памяти на всю оставшуюся жизнь.

— И-эр, побудь послушным мальчиком. Поздно уже, дорога плохая, — уговаривала мать.

— Не хочу! Еще даже вечер не наступил! Давай съездим на чертово колесо, ну па-а-ап!

— Но...

— Ты вечно на своей работе! Вечно торчишь там допоздна, даже когда обещаешь погулять со мной! Насилу выбрались, и опять уезжать? Так нечестно!

— Давай в другой раз, сынок? Отец очень устал.

— Не хочу! Я тебя ненавижу! Ты никогда не держишь обещания!

Перед глазами по-прежнему неслась гнетущая мгла бетонного коридора, за стеклом безумным калейдоскопом извивались световые нити. Но призрачные голоса прошлого грохотали прямо в

сознании. Цин И с ужасом осознал, что его губы шевелятся сами собой, безвольно вторя каждому звуку. Тонкий юношеский альт и его собственный взрослый голос слились в жутком, безумном диссонансе.

Картина резко сменилась. словно сквозь пелену бреда, он увидел своего брата Цин Хао. Тот стоял перед ним в белоснежном медицинском халате и бережно держал два младенческих свертка.

— Вот они, твои племянники, — тихо произнес Цин Хао и протянул их ему.

Цин И принял ношу и заглянул под кружевные края одеялец. Из свертков на него глянуло пустое место. У крошечных детских телец не было голов.

С диким воплем Цин И отшвырнул свертки прочь, словно раскаленные угли. Не успел он перевести дух, как лицо брата поплыло. Кожа заструилась, плавясь и стекая вниз, обнажая кости. Цин И, теряя рассудок от ужаса, рванулся назад, пытаясь забиться в угол. Но Цин Хао, вытянув вперед склизкие руки, наступал на него.

— Зачем ты бежишь от меня? Зачем?! — выл он. — Я же твой брат! Я твой брат!

От этого кошмара сердце готово было разорваться. Плоть на руках Цин Хао истлела, превратившись в голые, желтовато-белые кости. Фаланги пальцев тянулись к лицу Цин И, угрожая впиться в глаза. И вдруг — вспышка! Он снова оказался в летящей машине. Тоннель, мрак, а сзади мертвенным эхом разносится безумный шепот родителей:

— Не задерживайся допоздна... Не задерживайся... Не задерживайся...

Цин И судорожно хватал ртом воздух, не в силах сделать ни вдоха. Его тело оцепенело. Нога сама собой вдавила педаль газа в пол до упора, хотя пальцы мертвой хваткой вцепились в руль и не могли шевельнуться.

Впереди забрезжил просвет. Но вместо облегчения Цин И закричал еще громче. Проем стремительно сужался, а верхний свод тоннеля на выходе превратился в гигантское, острое как бритва лезвие гильотины.

«Назад! Туда нельзя! Господи, остановись!»

Он мысленно умолял свое тело затормозить, но нога словно приросла к педали. Машина на бешеной скорости неслась прямо под смертоносный стальной край...

Слепящая белая вспышка расколола реальность. Машину со скрежетом перерубило пополам. В следующий миг Цин И обнаружил, что сидит на асфальте под проливным ледяным дождем, весь залитый кровью. Срезанная половина автомобиля вдруг взревела мотором, развернулась и

поехала прямо на него. Ослепительный свет фар ударил в глаза. Приглядевшись, Цин И онемел от ужаса: вместо стеклянных плафонов на него смотрели искаженные лица его родителей. И их рты беззвучно шевелились, исторгая:

— Не задерживайся допоздна... Не задерживайся...

Разум окончательно сдался. Цин И зашелся в безумном, захлебывающемся крике. Вдруг длинные, мокрые пряди волос, потянувшиеся от фар-голов, обвили его запястья и лодыжки, намертво привязав к земле. Он извивался всем телом, рвался из этих пут, срывая голос в хриплом надрывном вопле:

— Назад! Не подходите! Прочь! А-а-а-а!!!

— Цин И! Цин И, очнись! Да приди же ты в себя!

Его нещадно трясли за плечи. Сквозь остатки сонного бреда он услышал собственный дикий, леденящий душу вопль. Вокруг стоял глухой мрак.

— Цин И! Ну же, проснись! Слышишь меня?

Тряска прекратилась, и его крик наконец сошел на нет, сменившись прерывистым хрипом. Цин И колотило от озноба, одежда насквозь пропиталась холодным липким потом. Он судорожно разевал рот, но легкие отказывались принимать воздух.

— Цин И? — тихо позвал голос из темноты.

В неверном свете масляной лампы проступили контуры реальности. Потолок из грубой парусины, постеленная на земляной пол соломенная циновка. Рядом на коленях стоял мужчина. Он крепко сжимал его плечи, вглядываясь в лицо с глубокой тревогой и болью.

Понадобилось мучительно много времени, чтобы сознание склеило осколки яви. Это был сон. Всего лишь кошмар.

Но от этого не было легче. Ведь всё, что явилось ему в этом сне — и теплые, счастливые мгновения былого, и жуткие призраки трагедии — всё это он потерял навсегда. Прошлого больше не вернуть.

И Цин И прорвало. Он разразился горькими, безудержными рыданиями. В эту секунду ему было плевать, кто перед ним. Ему просто жизненно необходимы были человеческое тепло и крепкие объятия — единственный якорь, способный удержать его душу, тонущую в беспросветной бездне отчаяния.

<http://bllate.org/book/20580/2132755>